

Две модели глобализации

Михайлов Игорь Феликсович

E-mail: ifmikhailov@gmail.com

Две модели глобализации¹

Игорь Михайлов

Процессы глобализации составляют примету нашего времени, от которой трудно отмахнуться, и которая всё более овладевает дискуссионными площадками исследователей и воображением художников. Эти процессы подчиняют себе наиболее важные сферы жизни современного человека: экономику, политику и информационные сети.

В экономике набирают силу такие тенденции, как интернационализация процессов и институтов, возрастание роли бирж и международных финансовых центров, выход банковских систем за национальные рамки, развитие новых платёжных технологий, свободное перетекание капиталов между регионами. Всё это постепенно превращает земной шар в единый экономический организм, отдельные части которого связаны не только торговыми отношениями, но и системой глобального разделения труда, общающимися фондовыми рынками и свободно перемещающейся рабочей силой. Иными словами, складываются глобальные рынки товаров, инвестиций и труда.

В сфере информации на основе невиданных темпов научно-технического прогресса идёт ускоренное развитие информационных технологий, людей связывают друг с другом глобальные сети. На этой основе преодолеваются национальные и культурные границы, люди получают неограниченный доступ к информационным и образовательным ресурсам.

В политической области национальные правительства уже не могут быть столь же свободными в принятии решений, как раньше: добровольно, а в некоторых случаях и не совсем, они жертвуют частью суверенитета во имя глобальной безопасности.

Глобализационным тенденциям пытаются противостоять как отдельные общественно-политические группы, так и целые государства, а также некоторые надгосударственные региональные организации.

Обычно авторы, пишущие на эту тему, пытаются объяснить глобализацию² как примету наших дней, как комплекс процессов, ставших возможными на нынешнем этапе технологического, экономического и политического развития человечества. Так, Мануэль Кастельс, один из апологетов теории информационного общества, которая со временем эволюционировала у него в концепцию сетевого общества, пишет: «...то, что мы называем глобализацией, есть ещё одно обозначение сетевого общества, хотя и более описательное и менее аналитическое, чем то подразумевает концепция сетевого общества. Тем не менее, поскольку сети проявляют избирательность в соответствии с заложенными в них программами, поскольку они могут одновременно вступать и не вступать в коммуникацию, сетевое общество распространяется во всем мире, но не включает в себя всё человечество. На самом деле, сейчас, в начале XXI века, оно исключает большую часть человечества, хотя всё человечество зависит от его логики, и от властных отношений, которые взаимодействуют в глобальных сетях социальной организации»³.

Согласно его концепции, сетевое общество в собственном смысле слова появляется только с приходом эры цифровых коммуникационных технологий (ЦКТ). До этого момента на протяжении истории сетевые субсоциумы, демонстрируя лучшую адаптивность к сложным и неблагоприятным условиям, в целом проигрывали вертикальным сообществам там, где требовалась быстрая мобилизация ресурсов для решения задач исторического масштаба. Кастельс объясняет данный феномен несоответствием мануфактурных,

индустриальных и тогдашних транспортных технологий требованиям сетевых взаимодействий - быстрой передачи импульса активности от одного ко многим по горизонтали и перестройки сетевых связей в процессе обучения.

Масштабное внедрение и освоение ЦКТ в нашу эпоху кардинально меняет лицо западной цивилизации, смещая баланс в сторону сетевых форм общественной самоорганизации. Как показано Кастельсом, на сетевых принципах перестраиваются финансовые и фондовые рынки, компании всё чаще переходят от формы вертикально управляемых корпораций к сетям независимых бизнес-единиц, связанных отношениями собственности или франшизы, что позволяет применять гибкие стратегии при выходе на новые рынки. В политической сфере всё большее значение приобретают горизонтальные связи между регионами, департаментами и негосударственными организациями. Все эти новые экономические и политические связи с лёгкостью преодолевают национально-государственные границы, создавая феномен глобализации в её современных ненасильственных формах.

Итак, глобализация, по Кастельсу, - синоним сетевого общества. При этом последнее он определяет, отталкиваясь от современного состояния технологий: «Сетевое общество, говоря проще, есть социальная структура, опирающаяся на сети, управляемые информационными и коммуникационными технологиями, в основе которых - микроэлектроника и цифровые компьютерные сети, которые порождают, обрабатывают и распространяют информацию на основе знаний, аккумулированных на узлах этих сетей»⁴. Следуя этому определению, мы не можем не принять взгляд на сетевое общество как на феномен последних лет, которым мы обязаны невиданному технологическому прогрессу. Хотя в другой работе он утверждает, что сети «не специфичны [только] для обществ XXI века, или, даже более, [только] для природы человеческой жизни. Сети составляют фундаментальную форму жизни, всех видов жизни»⁵. Согласно Кастельсу, сетевые организации существовали и ранее в истории, но неизменно проигрывали большим вертикальным корпорациям (в широком значении этого слова) в способности мобилизовать ресурсы на выполнение запланированного круга задач⁶. Поэтому, сетевое общество в собственном смысле начинается только теперь, причём глобальность его присутствия и влияния вовсе не обязательно предполагает вовлечения всего населения планеты в сетевые отношения⁷. Главное, что с политической точки зрения «поскольку сетевое общество глобально, государство сетевого общества не может действовать только или преимущественно в национальном контексте. Оно вынужденно вовлекается в процесс глобального управления, только без глобального правительства» [16, 15]». Таким образом, «глобализация есть форма, которую принимает сетевое общество, распространяясь в планетарном масштабе, в то время как новые технологии коммуникации и перемещения создают необходимую инфраструктуру для процесса глобализации»⁸.

В этой интересной концепции я не согласен с двумя пунктами. Первое - это утверждение Кастельса, что сетевое общество необходимо предполагает соответствующую технологическую инфраструктуру. И второе - это то, что глобализация, как следует из его определений, может иметь место только в рамках сетевой парадигмы как распространение последней до границ мира. Далее я надеюсь показать, что (1) в истории имели место случаи выхода сетевых моделей организации за национальные рамки в те эпохи, когда о современных технологических возможностях не думали даже самые смелые мечтатели. Более того, не имея нынешней экспертизы в области электроники и микрочипов, участники тех сетевых проектов, тем не менее, рождали новые технологии - например, финансовые - на доступном им уровне, наглядно демонстрируя гибкость и креативность этой формы организации. И, кроме того, я собираюсь отстаивать тот тезис, что (2) вертикальная, имперская форма глобализации - это вполне реальная модель, которая реализовывалась в прошлом, и, скорее всего, реализовалась бы в будущем, если бы не конкуренция со стороны

более гибкой сетевой структуры, действительно, решающим образом усиленной сетевыми информационными технологиями.

«Боковым» по отношению к теории Кастельса является понятие социальной сети, которое уже имеет долгую историю в социологии, социальной психологии и социальной антропологии благодаря, прежде всего, таким авторам, как Джеймс Барнз (автор термина), Я. Л. Морено и А. Рэдклиф-Браун. Здесь социальная сеть противопоставляется жёсткой институционализированной социальной структуре как, прежде всего, система неформальных человеческих связей, которая может быть как горизонтальной, так и вертикально интегрированной. Чтобы устранить терминологическую двусмысленность, уточним, что в контексте так понятой концепции социальной сети мы определяем сетевое общество как общество, в котором преобладают социальные сети, а сами институты ориентируются на сетевой тип взаимодействия, активно включаясь в сетевые отношения. В таком обществе теряет смысл разделение социальных отношений на формальные и неформальные⁹.

В общем и целом я рассматриваю глобализацию как продолжение естественной экспансии социальных систем, многие из которых в меру сил и эффективности стремятся (и, по-видимому, всегда стремились) стать глобальными. Различные социальные системы предлагают различные модели экспансии, которые обобщённо можно разделить на вертикально и горизонтально структурированные (в дальнейшем, для краткости, - вертикальные и горизонтальные). Вертикальные модели предполагают подчинение всё большего количества управляемых элементов единому управляющему центру. Горизонтальные модели основаны на формах и правилах взаимодействия, выработанных изначально для небольшого количества одноуровневых элементов, которые (формы и правила) масштабируются по мере охвата системой всё большего числа агентов.

Этот принцип можно пояснить с помощью компьютерной аналогии. Как известно, компьютерные сети подразделяются на одноранговые и сети с клиент-серверной архитектурой. Последние предполагают неравноправность участия вычислительных машин в сети. Большая их часть является рабочими станциями, которые могут выполнять самые различные задачи, но которые оказываются объединёнными в единую сеть исключительно благодаря подключению к особой привилегированной машине - серверу. У сервера, среди прочих, есть некие исключительные функции, присущие только ему. Это, во-первых, контроль сетевого протокола и сетевых сервисов, а во вторых исключительное право «собственности» на некоторые информационные ресурсы (файлы, базы данных, программы). Прямое подключение рабочей станции к любому другому компьютеру сети не означает включение её в единую сеть. Только взаимодействие с сервером по известному ему протоколу позволит ей связываться с другими рабочими станциями в тех рамках, которые предопределены настройками сервера.

Такая архитектура сети даёт определённые преимущества. В частности, она обеспечивает простоту контроля процессов и постоянство размещения информационных ресурсов, что важно, например, в корпоративных системах. Вместе с тем, ей присущи и определённые ограничения. Так, для участия в такой сети необходимо определить место компьютера в общей иерархии: он должен быть настроен или как рабочая станция, или как сервер. Кроме того, объём и скорость доступа к ресурсам по всей сети ограничены мощностью сервера и не растут при подключении новых ресурсов. И самое болезненное: падение сервера влечёт за собой неработоспособность сети.

В отличие от клиент-серверных, одноранговые сети, называемые также «peer-to-peer», основаны на равноправии и равнофункциональности участников. Простейшие одноранговые сети создаются при помощи соединения двух или более компьютеров с использованием несложных сетевых протоколов, однако их возможности сильно ограничены и обычно сводятся к совместному использованию периферии (например, принтеров) и выхода в интер-

нет. Фактически такие сети являются объединением рабочих станций, владельцы которых не могут позволить себе сервер.

Качественных скачок, однако, произошёл в своё время с появлением сложных peer-to-peer протоколов, на основе которых были созданы, скажем, файлообменные сети. В сложной peer-to-peer сети происходит объединение ресурсов (например, доступа к файлам) в строгом соответствии с определёнными правилами. Усложнение таких сетей приводит к появлению в ней особых узлов (трекеров), которые при желании можно рассматривать как аналоги серверов, но которые отличаются от последних тем, что не владеют никакими сетевыми ресурсами (протоколами, программами, файлами), а лишь выполняют функцию диспетчеров, облегчая поиск ресурсов другими участниками.

При ограниченности задач (которые сводятся, например, к синхронизации определённых файлов на многих компьютерах по индивидуальным запросам) такая сеть оказывается значительно эффективнее клиент-серверной в работе и устойчивее по отношению ко внешним угрозам. Peer-to-peer сети работоспособны при любом количестве узлов, а с приходом новых участников мощность сети увеличивается. Администрирование такой сети осуществляется совокупным поведением пользователей. Чтобы вывести одноранговую сеть из строя, нужно уничтожить её всю, или большую её часть.

Социальные аналогии в этом примере просматриваются достаточно очевидно. Однако один из тезисов, защищаемых здесь, состоит в том, что в данном случае мы наблюдаем не просто аналогию, но родственные явления, поскольку социальные взаимодействия имеют информационную природу. Впервые на философском уровне эта идея прозвучала в классической работе Питера Уинча «Идея социальной науки» (1958, русский перевод - 1996): «...социальное взаимодействие плодотворнее сравнивать с обменом идей в разговоре, чем со взаимодействием сил в физической системе»¹⁰.

Задумаемся, в чём состоит принципиальная разница между физическими взаимодействиями в природе и коммуникацией («обменом идей в разговоре») рациональных агентов. В первом случае мы предполагаем некую неизбежность наступления событий, которые являются следствиями других событий - причин, - если их связь обусловлена «естественными законами». Во втором случае, во-первых, взаимосвязь событий не является столь жёстко причинно-обусловленной: усвоенная в разговоре «идея» может сформировать predisposition к действию, но не обязательно вызвать само действие. Во-вторых, если физическое взаимодействие представляет собой непосредственный обмен веществами или энергиями, которые в процессе обмена выступают тем, что они есть, то в процессе коммуникации агенты обмениваются некими «представителями» тех предметов, по поводу которых осуществляется коммуникация: представителями, которые Уинч в духе классических традиций именует «идеями». С точки зрения современных семиотических теорий, «идеи» представляют собой значения знаковых выражений, существующие как конвенции в рамках определённых лингвистических сообществ и требующие «понимания» - интерпретации в рамках существующих систем конвенций. По этому поводу Уинч замечает: «Его [социолога - И. М.] понимание социального феномена больше похоже на понимание инженером деятельности своих коллег, чем на понимание инженером механических систем, которые он изучает»¹¹.

Однако, если некоторые случаи обмена знаковыми выражениями действительно подпадают под расхожий концепт «общения», т. е. обмена информацией с помощью знаков, который не предполагает неизбежности наступления определённых событий, то другие примеры знакового взаимодействия хорошо описываются теориями перформативных высказываний¹² в том смысле, что такой обмен знаками или передача знакового сообщения сами по себе являются социальным актом: присягой, наречением, сложением полномочий и т. п. Я полагаю, что сфера применимости теории перформативных высказываний мо-

жет быть расширена за счёт включения в эту сферу денежного оборота: если понимать деньги как конвенциональный знак обладания материальными ресурсами, то их передача фактически означает передачу определённой меры этих ресурсов. Из этого следует, что модель «обмена идеями в разговоре» не является универсальной для понимания социальных взаимодействий. Безусловно, всякое общение является социальным взаимодействием, но не всякое социальное взаимодействие является общением в расхожем смысле слова. Значительная часть таких взаимодействий представляют собой перформативные акты, т. е. собственно события, а не сообщения о событиях. От физических же событий их отличает непереносное использование знаков, требующих интерпретации.

Следовательно, знаки и навыки их интерпретации и есть «платформа», на которой строятся социальные системы, они суть «материя» этих систем в аристотелевском смысле слова.

В принципе можно было бы говорить о сильной и слабой интерпретации идей Уинча. В первом случае мы понимаем его идеи таким образом, что любое социальное взаимодействие и есть «обмен идеями». Во втором случае мы считаем, что социальные взаимодействия включают в себя обмен знаковыми сообщениями, но не сводятся к ним. Но, присмотревшись внимательнее, мы видим, что логическое отличие слабой интерпретации от сильной не столь существенно: не всё, что происходит в обществе, сводится к обмену знаковыми сообщениями, но именно использование знаков превращает события в случаи социального взаимодействия. Социальная ткань создаётся из «нитей» наших общений, которые состоят в том числе из перформативных высказываний.

Таким образом, при помощи компьютерных аналогий и общих соображений о знаковой природе социальных взаимодействий мы формулируем концептуальную основу для понимания процессов экспансии социальных систем, которые в определённых условиях предстают как процессы глобализации. Если общество по сути своей - информационная система (здесь предполагается обсуждение соотношения понятий знака и информации, которое мы вынужденно оставляем за скобками), то естественно предположить, что, аналогично компьютерным сетям, оно может быть структурировано вертикально - вокруг единого центра управления и распределения ресурсов, и горизонтально - как сеть равноправных и относительно независимых центров, связанных друг с другом едиными правилами, стандартами, технологиями, а также, естественно, ценностями и целями. Учитывая исторические реалии, вертикальные социальные системы мы будем называть империями, а горизонтальные, за неимением лучшего термина - сетевыми структурами (имея в виду их внутреннее устройство, а не компьютерную оснащённость).

Эти два вида социальных систем предлагают две различные модели экспансии, делом которой является глобализация. В первом случае речь может идти о расширении наиболее сильной из имеющихся империй до границ цивилизованного мира. Самые яркие примеры - империя Александра Македонского и Римская империя. Подобные же интенции привели к провалу наполеоновскую Францию и Третий Рейх. Напротив, общества, организованные в основном по сетевому принципу не стремятся к подчинению новых пространств единому центру власти, но стараются вовлечь как можно больше игроков в игру по своим правилам. Удачная сетевая организация представляет собой гибкую и самонастраиваемую систему, рациональность действий которой обусловлена правильным балансом интенций её элементов, который в свою очередь обеспечивается рациональностью правил. Такой системе не требуется единая управляющая инстанция, централизованное планирование, вертикальная иерархия. Напротив, чем шире круг доступных опций у каждого элемента, тем больше число возможных состояний системы в целом и тем значительнее, следовательно, её адаптивный ресурс.

Первые империи (Месопотамия, Египет, Китай) выросли из простых «одноранговых»

малоэффективных сообществ за счёт превращения вожества в устойчивые властные центры. Они сделали производство и управление более эффективными, а также позволили упорядочить информационные процессы, такие как развитие носителей и хранилищ информации, создание первых систем социальной сертификации знаний и сообщений. Известно, что именно имперские образования чаще всего выступают в качестве условий распространения систем письменности на большие территории, формирования «литературных» национальных языков, которые постепенно замещают собой племенные и региональные диалекты. Именно империи формируют спрос на стройные и в высокой степени стандартизованные (канонизированные) идеологические системы (мифологии, религии), которые на первых порах играют роль эффективных алгоритмов отличия «правильного», социально сертифицированного содержания, от «ересей» и «заблуждений». Сравнительная эффективность таких систем достаточно высока, поскольку понятно, что само наличие правил в общем случае практически важнее истинности онтологических допущений, лежащих в их основе.

Властные центры империй очевидно играют роль «серверов» своих информационных систем, поскольку являются владельцами таких важных ресурсов как язык, письменность, деньги и религия. Другие узлы системы могут функционировать, только получив доступ к ресурсам имперского центра. Крах действующего «сервера» автоматически превращает их в безмолвные и бесхозные объекты, которые могут «ожить» и «заговорить», только будучи подключёнными к другому имперскому центру. Хорошей иллюстрацией этого тезиса может служить история Восточной Европы от Батыя до падения Берлинской стены.

Альтернативная архитектура социальных систем, а, следовательно, и альтернативная модель глобализации, появилась в эпоху греческой классики¹³. Эллада по историческим причинам формировалась как содружество независимых и равноправных греческих полисов, связанных такими унифицированными ресурсами, как деньги, знания, язык и мифология. Города возникали и гибли, враждовали и образовывали союзы, но жизненно важные информационные ресурсы оставались распределёнными между многими центрами, некоторые из которых были чуть сильнее, другие чуть слабее, но ни один не был имперским. Греческой конфедерации в отведённое ей историческое время удалось стать достаточно сильной, чтобы противостоять вертикально структурированной империи персов, но не удалось победить в эффективности нарождающуюся империю Александра, которая в конце концов её и поглотила.

Трудно однозначно назвать причины гибели этого первого в истории сетевого проекта. Возможно, сетевой характер греческой цивилизации был, если можно так сказать, вынужденным: ни у одного полиса не было достаточно сил и ресурсов - военной мощи, сильного харизматического лидера - для того, чтобы подчинить себе все остальные центры влияния. Очевидно, что основным экономическим ресурсом в то время (как, впрочем, и много позже) была земля. На больших равнинах выигрывали социумы, которым удавалось сконцентрировать наибольшие земельные ресурсы под единым управлением. Так возникли первые империи. Греческая цивилизация вызревала на полуострове, в основном покрытом горами, с сильно изрезанной береговой линией. Это место плохо подходит для земледелия, но хорошо - для морской торговли. Пространство греческой цивилизации - это берега Пелопоннеса и южных Балкан, острова и удалённые колонии на ионийских, италийских и понтийских берегах. Пожалуй, единственные экономические отношения, которые связывали далёкие друг от друга грекоговорящие районы - это торговля и чеканка монет. Все эти обстоятельства налагали на рост греческого мира определённые пределы. Незавидная судьба Афинского морского союза, классовые противоречия внутри Афин и союзных полисов, политическая и военная борьба между городами - всё это ослабляло хрупкую греческую конфедерацию и свидетельствовало о том, что сеть распадается. В

таких условиях появление сильного имперского соседа, имеющего интересы на греческой территории неминуемо должно было привести греческую классику к краху.

Дальнейшая история, как мы её знаем, - это история сменяющих друг друга вертикальных государственных образований: империя Александра, Рим, Византия, Священная Римская империя Карла Великого. Все они пережили взлёты и падения и завершили своё существование в различных исторических обстоятельствах.

Хронологически следующий сетевой проект появился в другую эпоху и, в отличие от своих предшественников, оказался успешным. Я имею в виду формирование западноевропейской цивилизации. Моё видение состоит в том, что этот феномен вырос на основе географически распределённой сети финансовых транзакций, которая сформировалась в новую историческую эпоху. Эта сетевая структура была усилена протестантской экономикой, основанной на этике трудолюбия и аскетизма, давно и подробно описанной Максом Вебером¹⁴. Призванный религией к трудолюбию и ею же наученный аскетизму, человек зарабатывает много, но не имеет возможности сразу и со вкусом всё это потратить, чтобы не уподобиться «презренным папистам». И тогда на помощь приходит исторически уже сформированная «капиталопроводящая» сеть, управляющая финансовыми потоками. Таковой опорной сетью для нарождающегося западноевропейского капитализма выступили евреи¹⁵.

Как известно, в результате поражения первого антиримского восстания в Иудее 9 - 10 числа месяца ава 70 г. н. э. был разрушен Второй иерусалимский храм, и около 600 000 жителей были убиты. Число изгнанных и умерших от голода не определимо. По результатам столь же неудачной для повстанцев Второй Иудейской войны (132 — 135 гг. н. э.) иудеям было запрещено жить в Иерусалиме под страхом смерти. Следствием этого стало постепенное расселение евреев по европейским и североафриканским берегам Средиземноморья, сопровождавшееся нарастанием религиозного ригоризма, который мыслился как одно из условий национального самосохранения после катастрофы. Той же цели служило формирование автономной судебной системы и системы образования (200 — 425 гг.).

В эпоху раннего Средневековья евреи оказались чуть ли не единственным этносом, который сохранил со времён Античности технологии и навыки чеканки монет. Монеты христианских королей Европы, сохранившиеся с X-XI вв., часто помечены звездой Давида и/или надписями на иврите, идентифицирующими изготовившего их мастера. Продвинутость в денежных делах и финансовых технологиях, не говоря уже о коммерческих талантах, часто обеспечивала евреям в средневековой Европе, несмотря на известные ограничения, неплохую государственную карьеру и определённые привилегии¹⁶. Но период относительно плавного развития этого народа в направлении постепенной институционализации и интеграции в европейские имперские структуры был снова прерван вмешательством имперской воли.

«Католические короли» Кастилии, вдохновлённые собственными успехами в деле антиарабской Реконкисты, решают, что подвластные им земли должны стать безраздельно христианскими и Гранадским эдиктом от 1492 года объявляют иудейскую веру вне закона. Её носителям было предписано в течение нескольких месяцев перейти в католичество или покинуть Пиренейский полуостров, фактически лишившись имущества. Поскольку в качестве мер воздействия широко использовались доносы, казни, насильственное изгнание, продажа в рабство и т. п., некоторые историки считают эти события первым в истории Холокостом, имея в виду размеры человеческих потерь. Через несколько лет аналогичный эдикт принимает король Португалии, что кладёт конец компактному расселению евреев на Пиренейском полуострове, имевшему - пусть эфемерные, но всё же - перспективы превращения в национально-культурную автономию. Под влиянием испанских событий положение евреев осложняется в итальянских княжествах и во всём католическом мире,

о чём можно судить, в частности, по шекспировской пьесе «Венецианский купец», столь нежно любимой Гиммлером. Евреи массово переселяются на более толерантный север Европы, который примерно через столетие станет протестантским, а также в Османскую империю и страны Северной Африки. Будучи вновь отстранены от службы во властной вертикали, а в ряде случаев и от традиционных местных занятий, превратившись в горизонтально организованное, но практически вездесущее меньшинство, они не могли не создать финансовую сеть. Особенно учитывая, что отдача денег в рост под проценты как минимум не поощряется в рамках христианского традиционализма и прямо запрещена в исламе. Последствия собственной катастрофы им удалось превратить в своё преимущество: теперь христианский или мусульманский купец, возящий товары через континенты, мог пользоваться векселями, кредитами и товарными аккредитивами, поставляемыми транснациональной сетью, «узлы» которой доверяли друг другу благодаря религиозному единству и родственным связям.

В компьютерной науке и практике есть понятие 'backbone' - опорная сеть, состоящая из узлов и каналов с наибольшей пропускной способностью. Все остальные соединения узлов являются её подсетями. Я склонен думать, что особенным образом организованный еврейский социум выступил опорной сетью нарождающейся капиталистической экономики, поскольку, благодаря изобретённым там финансовым инструментам, эта сеть оказалась способной «прокачивать» через себя и превращать в работающие капиталы протестантские сбережения, растущие благодаря сочетанию трудолюбия и аскетизма.

Безусловно, западноевропейская цивилизация не была сетевым обществом в чистом виде. Сложность её структуры обуславливалась сочетанием имперских институциональных и сетевых элементов социальной организации - к последним можно отнести средневековые города и их союзы, религиозные и рыцарские ордена, территориально распределённую финансовую инфраструктуру, состоящую в основном из еврейских семей. В различные исторические периоды различные сетевые элементы общественной организации то приобретали, то теряли значение, но в целом их роль сводилась к «боковой поддержке» сначала имперских, затем национальных государств, представляющих собой разновидности вертикального идеального типа. Вплоть до пришествия эры цифровых коммуникационных технологий (ЦКТ) сетевые субсоциумы, демонстрируя лучшую адаптивность к сложным и неблагоприятным условиям, в целом проигрывали вертикальным сообществам там, где требовалась быстрая мобилизация ресурсов для решения задач исторического масштаба.

Так почему же эта модель оказалась эффективнее и надёжнее древнегреческой? Попробуем продолжить компьютерную аналогию. Как уже было сказано, одноранговые, горизонтально организованные сети могут быть «гибридными», то есть включать в себя элементы вертикальной организации там, где необходимо выполнение диспетчерских функций. Появляются сервероподобные узлы, которые индексируют имеющиеся в сети информационные ресурсы и синхронизируют эти данные между собой. Такая организация сочетает в себе скоростные преимущества клиент-серверной архитектуры и надёжность одноранговой. Тогда греческий мир можно уподобить простой одноранговой сети, которая представляет собой не более, чем несколько компьютеров, соединённых кабелем, с ограниченной функциональностью и устойчивостью.

Средневековая европейская система имела, конечно, гораздо более сложную архитектуру. Помимо главной формулы роста - протестантские капиталы плюс еврейские сетевые финансовые инструменты - там присутствовали и другие сетевые организации: Ганзейский союз, католические ордена, вольные города, университеты, ремесленные цеха и гильдии. Свою лепту вносила и сложная политическая система: сочетание папской власти, национальных монархий и герцогств, а также вольных городов. Европейцы с самого начала формирования их идентичности тренировались жить в условиях сложнопереpletённой

системы экономических, политических и культурных отношений, учась извлекать выгоду из этой сложности. Так, общепринятое ныне различие власти и гражданского общества очевидно происходит из противостояния феодальной монархии и вольного города. Сетевые отношения не были в диковинку для средневекового европейца, и «сетевое общество», что бы ни писал Кастельс¹⁷, возникает не из «информационного» в XXI веке - оно время от времени проявляет себя на протяжении всей европейской истории, сообщая этому макросоциуму известную гибкость и динамизм. С другой стороны, и современный Запад, по мнению Кастельса, не являет собой сетевое общество в чистом виде¹⁸.

Итак, я предлагаю рассматривать природу глобализации в концептуальных рамках противопоставления вертикально структурированного «имперского» типа общества и горизонтально-структурированного «сетевого», имея в виду, конечно, что чистых типов в реальности не бывает. Любая социальная система стремится к расширению, только империя делает это, подчиняя единому центру существующие пространства, а сетевая структура - включая новые узлы в существующие протоколы взаимодействия. Так случилось, что европейско-североамериканская модель оказалась наиболее эффективной сетевой организацией и ближе всех подошла поэтому к «границам мира». Именно её экспансия рассматривается сегодня как «глобализация».

В наше время этой тенденции противостоят движения, объединяемые достаточно размытым термином «антиглобализм». На мой взгляд, необходимо различать анархистский антиглобализм, который в большей степени отстаивает идеологию неглобализированных, фрагментарных сетевых обществ, и имперский, или архаичный, антиглобализм. В первом случае мы скорее имеем борьбу внутри сетевой среды, направленную на ограничение крупных, «имперских» в представлении антиглобалистов этого толка, институтов: Всемирного банка, G7 и т. п. Объективно говоря, это борьба за чистоту сетевой парадигмы, против имперских вкраплений, хотя перечисленные институты — скорее сетевые диспетчерские узлы, чем департаменты имперской пирамиды..

Напротив, противостояние сетевой экспансии со стороны централизованных имперских обществ обнаруживает подлинный антагонизм. Структура типичной имперской модели представляется следующим образом: управляющей инстанцией является единый политический центр, который опирается на сакральную идеологию. Последняя, в частности, помогает идентифицировать противника, который должен быть уничтожен, а его ресурсы подчинены имперскому центру. Человеку, интегрированному в вертикальную модель, носителю сакральной имперской идеологии, за видимой экспансией сетевой парадигмы видятся причины и мотивы, не характерные, на самом деле, для неё, но имманентные империям. Так, он готов за рациональной, но децентрализованной сетевой активностью видеть происки никак эмпирически не представленного «мирового правительства» или «закулисы», а за вполне реальными еврейскими (по происхождению) финансами - «жидомасонский заговор». Ему очень трудно понять и принять, что и система в целом, и отдельные составляющие её «узлы» способны действовать рационально, не будучи управляемы из единого центра и не сверяясь с единственно правильной доктриной, и при этом демонстрировать большую эффективность, чем столь любезная его душе централизованная империя.

Основания для большей эффективности сетевых структур по сравнению с вертикально-иерархическими коренятся в свойствах сетей, которые поддаются математическому моделированию¹⁹. Но эта тема выходит за предметные пределы данной небольшой статьи. Лаконичное объяснение может выглядеть следующим образом: сетевые структуры предполагают распространение некоторой активности или импульсов от одних узлов к другим без каких-либо пространственных или иерархических ограничений. В результате такая система может иметь максимальное число возможных состояний и, следовательно,

демонстрировать большую гибкость в приспособлении к среде. Иерархическая система, напротив, основана на структуре, в которой некоторые шаги запрещены, воздействия могут быть направлены только, например, вниз по иерархической лестнице, и т. п. Иными словами её можно рассматривать как вырожденную сеть, которая характеризуется большей предсказуемостью, но меньшими адаптивными возможностями. По мере усложнения организации и повышения степени рациональности горизонтальных структур, вертикальные неизбежно должны проигрывать конкуренцию.

Часто угрозу, исходящую от глобализации, видят в опасности «смешения культур», в утрате национальными и региональными культурами своеобразия, в превращении уникальных — и, по умолчанию, значительно более «высокодуховных» — локальных культур в усреднённую поп-культуру усреднённого человечества. Осмелюсь предположить, что предлагаемая мною методология может облегчить поиск ответа и на этот вопрос.

Перед империями, поглощающими гетерогенные культуры всегда стоит «экзистенциальный» выбор: ассимиляция или культурная автономия. В первом случае языковая, этническая и религиозная идентичность поглощаемой культуры уничтожается, что требует времени и дополнительных усилий (как в случае арабских и османских завоеваний, а также ассимиляции «русинов» в Речи Посполитой). Во втором случае устанавливается политическое господство при сохранении культурных автономий (монголо-татарские завоевания, Британская Империя, Российская Империя - СССР). Надо отметить, что, поскольку все перечисленные империи прекратили существование в исторически обозримой перспективе, сделать вывод о большей эффективности того или иного решения в рамках вертикальной матрицы не представляется возможным. Главное очевидно: при глобализации по вертикальной модели духовная составляющая поглощаемой культуры или уничтожается, или остаётся изолированной в автономном «заповеднике».

Напротив, сетевые структуры способны, на мой взгляд, интегрировать и «переваривать» чужие культуры, сохраняя их целостность и своеобразие, просто потому что любое расширение горизонтальной сети увеличивает её возможности, а не подрывает её «устой» и «скрепы», как в первом случае.

Попробуем сформулировать выводы, истинность которых на основании изложенного представляется если не доказанной, то, по крайней мере, в высокой степени вероятной.

- а) Основные модели глобализации, известные в истории, можно представить как естественную экспансию сильных социумов, относящихся к двум возможным видам: вертикально-интегрированному ("имперскому") и горизонтально-интегрированному ("сетевому").
- б) В ходе исследования были выявлены основные исторические образцы сетевой самоорганизации обществ: греческие полисы, еврейские диаспоры и протестантские общины. В каждом из этих случаев идеальный тип (по Веберу) сетевого общества проявлялся в разной степени и в различных формах. Симбиоз последних двух лёг в основу беспрецедентно эффективной европейской цивилизации.
- в) В общем и целом наши выводы лежат в русле концепции сетевого общества Мануэля Кастельса. Пункты нашего расхождения таковы:
 - 1) Глобализация может осуществляться не только по сетевой, но и по вертикальной модели.
 - 2) Сетевая глобализация и сетевые общества не обязательно основаны на современных информационных технологиях; последние лишь сообщают им решающее преимущество в конкуренции с вертикальными образованиями.

Об авторе: Михайлов Игорь Феликсович - кандидат философских наук, научный сотрудник Института философии РАН. E-mail: *ifmikhailov@iph.ras.ru*

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 13-06-00878.

² См., например, *Мельянцева В. А.* Информационная революция, глобализация и парадоксы современного экономического роста в развитых и развивающихся странах. М., 2000; Судьба государства в эпоху глобализации // Отв. ред. В. Н. Шевченко. М.: ИФ РАН, 2005; Глобализация и столкновение идентичностей. М., 2003; Глобалистика как область научных исследований и сфера преподавания / Под ред. Абылгазиева И.И., Ильина И.В. Отв. ред. Шестова Т.Л. - М.: МАКС Пресс, 2008; *Globalization in World History*. Ed. By Peter N. Stearns. L.: Routledge, 2010; Модернизация и глобализация: образы России в XXI веке. М.: ИФ РАН, 2002; *Чумаков А.Н.* Глобализация. Контуры целостного мира. 2-е изд. перераб. и доп. М. Проспект, 2011.

³ *Castells, Manuel*. The Network Society: from Knowledge to Policy // The Network Society: From Knowledge to Policy. Ed. by Castells, Manuel and Cardoso, Gustavo. Washington, DC: Johns Hopkins Center for Transatlantic Relations, 2005, P. 5.

⁴ Ibid., P. 7

⁵ *Castells, Manuel*. Informationalism, Networks, and the Network Society: A Theoretical Blueprint // Manuel Castells (editor). The network society: a cross-cultural perspective, Northampton MA: Edward Elgar, 2004, P. 4

⁶ *Castells, Manuel*. The Network Society: from Knowledge to Policy // The Network Society: From Knowledge to Policy. Ed. by Castells, Manuel and Cardoso, Gustavo. Washington, DC: Johns Hopkins Center for Transatlantic Relations, 2005, P. 54

⁷ Ibid., P. 19

⁸ Ibid., P. 16

⁹ Ещё раз повторю, что речь идёт об идеальном типе в смысле Вебера.

¹⁰ *Уинч, Питер*. Идея социальной науки. М., 1996, С. 96

¹¹ Там же, С. 66

¹² См., напр., *Остин Дж. Л.* Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М., 1986

¹³ Интересно об этом в: Nederveen Pieterse, Jan. Periodizing Globalization: Histories of Globalization // *New Global Studies*: Vol. 6: Iss. 2, Article 1, 2012

¹⁴ *Вебер, М.* Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения: Пер. с нем. Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; Предисл. П. П. Гайденко. — М.: Прогресс, 1990

¹⁵ Общеизвестно, что честь наиболее полного и ставшего классическим исследования проблемы «евреи и капитализм» принадлежит Вернеру Зомбарту [*Зомбарт, В.* Евреи и экономика // Зомбарт, Вернер. Соч. в 3 томах. Том II. С-Пб.: «Владимир Даль», 2005, особенно С. 317-445]. Не имея возможности подробно анализировать его концепцию, я отсылаю читателя к первоисточнику и ограничусь обзором известных исторических фактов.

¹⁶ Впрочем, как пишет Ханна Арендт [*Арендт, Х.* Истоки тоталитаризма. М.: Центр-Ком, 1996, С. 46], подобные привилегии в некоторых странах сохранялись до конца XVII века.

¹⁷ *Castells, M.* The Network Society: from Knowledge to Policy // The Network Society: From Knowledge to Policy. Ed. by Castells, Manuel and Cardoso, Gustavo. Washington, DC: Johns Hopkins Center for Transatlantic Relations, 2005, P. 7

¹⁸ Ibid., P. 5

¹⁹ См. об этом: *Новиков Д.А., Кузнецов О.П., Губко М.В.* (ред.) Сетевые модели в управлении. Сборник статей. М.: Эгвес, 2011